

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Л47 **Леонтьев, Антон Валерьевич.**
Мертвые канарейки не поют : [роман] / Антон Леонтьев. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.— (Авантурная мелодрама).

ISBN 978-5-04-100116-2

Бойтесь своих желаний, ибо они могут сбыться! Когда богач, красавец и мечта всех девушек Гоша Барковский предложил ничем не примечательной студентке Рите Тарасовой стать его подругой, ей следовало бежать от него со всех ног. Тогда она не поехала бы на дачу Барковских, не стала бы жертвой преступления, совершенного отцом Гоши, не потеряла бы счастье, семью и сам смысл существования... Монстры Барковские превратили жизнь девушки в череду сплошных бед — персональный фильм ужасов, и ей надо любой ценой остановить его...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100116-2

© Леонтьев А. В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук.

Джон Локк

Влюбилась в него Рита с первого взгляда — да и могла ли она в него не влюбиться?

Конечно, ей было прекрасно понятно, что сохнет по нему, своему однокашнику, учившемуся на курс старше, Гоше, не только она одна.

Но и что с того?

И тот факт, что у Гоши, высокого спортивного шатена с обаятельной улыбкой и волшебными зелеными глазами, есть подружка, причем официальная, едва ли даже не невеста, эта насквозь вульгарная, но такая сногсшибательная Эльвира, Риту не волновал.

Ненавидя эту самую Эльвиру Князь (аристократическая фамилия и имя голливудской кинозвезды у рабоче-крестьянской девицы!), отец которой был директором крытого рынка, Рита тайно завидовала ей — еще бы, ведь помимо могущественного предка, по слухам тесно связанного с криминальным миром, шикарной двухуровневой квартиры в центре города, а также кучи импортных шмоток и самых что ни на есть настоящих сверкающих цацек, она обладала тем, чего были лишены все остальные воздыхательницы — правом называться *подругой Гоши Барковского*.

Рита прекрасно понимала, почему Гоша остановил свой выбор на Эльвире, а не на ней или любой другой девице с их юридического факультета. Помимо физической привлекательности, Гоша располагал мозгами и, судя по всему, был парнем весьма расчетливым. Его собственный отец, известный в городе адвокат,

Антон Леонтьев

наверняка поощрял дружбу сына с дочерью владельца рынка.

А кем были ее, Ритины, родители? Отец и мать — врачи, причем не какие-то главные в больницах-поликлиниках или хотя бы заведующие отделением, тем более, не важняки из областных медицинских структур и уж точно не владельцы частных клиник красоты или чего-то в этом роде, а вполне обыкновенные: папа — педиатр, мама — участковый терапевт.

Да и внешностью — и это Рите было также хорошо известно — она взять Гошу тоже не могла. Да, рост у нее модельный, однако сходство с королевами по-диумов этим и ограничивалось. Свои длинные рыжие волосы Рита ненавидела, веснушек стеснялась и пыталаась их вывести при помощи разнообразных народных средств, а про фигуру и говорить нечего — «кожа да кости», бывало, вздыхала, глядя на нее, ныне покойная бабушка.

Что еще ужаснее, она не могла похвастаться таким огромным фронтоном, каковой выпирал из вечно слишком узкого декольте Эльвиры: Рита уже смирилась с тем, что грудь у нее небольшая, по ее собственным понятиям даже крошечная, и самым сокровенным ее желанием в последнее время было разбогатеть и...

И вставить импланты! А если найдутся деньги, то и изменить коренным образом внешность, радикально поменять стиль и, сделавшись роковой соблазнительной блондинкой или, на худой конец, брюнеткой, причем непременно с грудью более чем заметной и ощутимой, перешагнуть через упавшую от зависти в обморок Эльвиры, приблизиться к онемевшему от восторга объекту своих мечтаний, взять его лицо в свои руки и впиться в губы столь пленительным и нескончаемо долгим поцелуем, чтобы потом...

— Приветик, малышка! — раздался низкий мужской голос, вырвавший Риту из сладостных мечтаний во время перерыва между парами.

Девушка, примостившаяся около подоконника и жевавшая пирожок из университетской столовки, вздрогнула, подняла глаза в ужасе, потому что узнала голос и увидела перед собой тот самый объект своих желаний, Гошу Барковского.

О, если бы это была сцена из ее великолепного и столь прекрасного будущего! Она бы не растерялась, одарила его чарующей улыбкой или, наоборот, излучая арктический холод, выдала колкую фразу, или...

Однако была она сейчас не в будущем, а в настоящем, причем далеко не великолепном и отнюдь не прекрасном, а весьма жалком, и все это было не сценой из слезливого фильма или мелодраматического романчика, а эпизодом из суровой реальности.

Посему, вопреки законам сентиментального жанра, Рита вздрогнула и зашлась в кашле, потому что от неожиданности судорожно проглотила еще толком не прожеванный кусок пирожка, который, как и все печености в университетской столовке, был клейким и потому застрял у нее в горле.

Натужно кашляя, Рита пыхтела, а озабоченный Гоша, с недоумением глядя на нее, произнес:

— С тобой все в порядке?

Было ли с ней все в порядке? Объект ее мечтаний, принц на белом коне, точнее, сын известного адвоката на черном джипе, до сих пор ее не замечавший, вдруг сам подошел к ней и сказал: «Приветик, малышка!»

А она, как дура, с куском пирожка, приклеившегося к горлани, не может вымолвить ни слова!

Рита замотала головой, сигнализируя, что все, мол, в порядке, и краем глаза заметив, что на другом конце коридора появилась сопровождаемая своей свитой принцесса Эльвира. И это значит, что она скоро окажется здесь, заграбастает своими когтистыми лапками Гошу — и все, Ритин разговор с ним закончится, так и не успев начаться.

— Ну, я, знаешь, по какому поводу хотел бы с тобой поговорить... — начал молодой человек.

Рита мотнула головой, с облегчением чувствуя, что кусок пирожка наконец-то проскользнул вниз, открыла рот, чтобы произнести нечто ужасно умное и крайне интригующее, хотя еще понятия не имела, что именно, и вдруг громко, на весь коридор, икнула.

— Гошик! — раздался певучий голосок Эльвиры, возникшей рядом с женихом, чтобы взять его под локоток. — Вот ты где! А я-то обыскалась!

В этот момент Рита, покрасневшая до корней волос и знающая, что выглядит она ужасно, потому что щеки у нее налились багрянцем, а уши запылали, будто раскаленные в духовке, снова икнула, на этот раз еще громче, чем в первый раз.

— Ты с *ишаками* общаешься! — ввернула Эльвира, целуя Гошу в щеку. — Только зачем они тебе?

Рита, готовая отдать все на свете, чтобы икота прошла, опять икнула, хотя и пыталась любыми путями воспрепятствовать этому.

Не вышло.

Придворная камарилья Эльвиры, расфуфыренные девицы, хамски захочотали, а Рита, чувствуя, что надо что-то предпринять, уже изобрела ответную фразочку, махнула рукой...

И оранжевая начинка пирожка, тертая морковь, полетела на дорогущий белоснежный мех, которым был оторочен капюшон приталенной кожаной курточки Эльвиры.

Та, гневно сверкнув глазами, завопила:

— Это даже не *ишаки*, а *шимпанзе*! К нам приехал бродячий цирк-шапито!

Рита снова громко икнула.

В общем, это было ужасно, и на лекции в тот день Рита больше не пошла — сбежала сначала из коридора в туалет, заперлась в кабинке и, игнорируя громкий стук в дверцу с другой стороны, дождалась, чтобы ее оставили в покое. Потом вышла из туалета и, воровато оглядываясь, быстро покинула здание юридического факультета.

То ли от стресса, то ли сама по себе, но икота прошла столь же внезапно, как и началась. Выбежав из дверей юрфака, Рита устремилась в близлежащий парк, откуда вышла на набережную, тянувшуюся вдоль мугучей реки, разделяющей город на две части.

Нет, вот ведь дура! Хотя какая же дура — Эльвира была права, она помесь ишака с шимпанзе! Теперь объект ее желаний, Гоша, никогда, ну просто *никогда* больше не заговорит с ней.

Рите было так стыдно, что она не спала целую ночь, наутро сказалась больной, и мама, пощупав ее лоб, признала, что у ребенка явно жар.

Может, от переживаний, может, оттого, что она слишком долго в этот октябрьский день бродила по продуваемому ветрами берегу реки, но Рита и в самом деле заболела.

Лежа в кровати с забитым носом и вспухшим горлом, тем самым, в котором застрял кусок этого злосчастного пирожка из столовки, Рита мечтала о том, что раздастся звонок в дверь и появится он...

Объект ее мечтаний, Гоша Барковский.

Принц на белом коне, вернее, сын известного адвоката на черном джипе.

Она прекрасно понимала, что ничего такого *никогда* не произойдет. Вот просто *никогда*. Но ужасало ее даже не это, а мысль о том, что любая простуда, даже самая тяжелая, рано или поздно пройдет, ей придется выйти с больничного и отправиться опять в университет, на юрфак.

Туда, где она так опозорилась.

Рите хотелось, чтобы об этом инциденте забыли. Чтобы о нем никто не вспомнил. Чтобы сплетничали о чем-то ином. И она понимала, что Эльвира *никогда* не простит ей этого — не только того, что она оплевала морковкой из пирожка ее меха. От внимания Эльвиры не ускользнуло: Гоша сам подошел к Рите, воспользовавшись тем, что его невеста была где-то в другом месте, и по собственной инициативе завел с ней, поместью ишака и шимпанзе, разговор.

Такого Эльвира, конечно же, никогда ей не простит.

Поэтому Рита, обычно ужасно переживавшая из-за того, что приходится пропускать занятия в университете, с легкостью согласилась на предложение мамы по причине болезни посидеть дома еще недельку, пока все не пройдет.

Простуда-то давно отступила, а вот страх, поселившийся в сердце Риты, никуда не делись.

Наконец, наступила пятница второй недели, и девушка осознала, что от проблем не убежать: тянуть дальше было нельзя, ей, чтобы не отстать, надо было возвращаться на занятия. Ведь, в отличие от представителей золотой молодежи, зачисленных на юридический благодаря связям, взяткам или в качестве услуги влиятельным родителям, Рита честно сдавала экзамены, единственная из всего потока написала сочинение на «пятерку», упорно набирала баллы, для чего зубрила ночи напролет — и оказалась в числе счастливчиков, попавших на юрфак на бюджетные места.

Ее родители, даже если бы и захотели, не смогли бы дать кому-то на лапу, потому что не знали, кому, да и давать было нечего. А адвокатская практика была Ритиной мечтой на протяжении целого ряда лет — она хотела стать самым крутым и высокооплачиваемым адвокатом города.

И, кто знает, может, перебраться из их провинциального центра в Питер или Москву...

В конце концов, какая разница, как ты выглядишь, важно, что у тебя в голове. Ведь адвокатов-мужчин по красоте не оценивают, так отчего от адвокатов-женщин требуют походить на супермодель?

Достаточно было бы *не икать на весь коридор и не плеваться морковкой*.

И все же...

Ей так хотелось перевоплотиться в роковую блондинку — ну, или хотя бы брюнетку. Ибо тогда увеличились бы ее шансы стать подругой Гоши.

Запретив себе думать о Барковском, Рита все время только о нем и думала. Нет, как было бы хорошо, чтобы раздался звонок в дверь и на пороге появился он, ее Гоша...

Только Рита понимала, что такой звонок никогда не раздастся и никакой Гоша на пороге не появится.

Внезапно в дверь позвонили, и Рита, сидевшая в кресле и думавшая о Гоше, дернулась, при этом неудачно задев локтем о стоявшую рядом гладильную доску. Руку тотчас пронзила острая боль, девушка, чувствуя, что на глазах выступили слезы, ринулась в коридор, проклиная того, кто заявился в гости без приглашения.

Она распахнула дверь с яростным выражением лица — и обомлела, увидев на пороге объект своих мечтаний — Гошу Барковского.

А она была в стареньком халате, оставшемся от покойной бабушки, с немытыми, небрежно забранными в конский хвост волосами, в растоптанных, но таких удобных тапочках на босу ногу.

Чучело, да и только!

Принц на белом конце, вернее, *на черном джипе*, выглядел, как всегда, идеально, однако Рита заметила легкую улыбку в уголках его рта.

То, о чем она мечтала, сбылось — и она оказалась не готова к исполнению своих сокровенных желаний.

Вот ведь идиотка!

— Добрый день, Рита, — произнес Гоша своим чающим низким голосом, — вот, хотел узнать, все ли с тобой в порядке. А то ты на занятиях давно не появлялась...

Девушка замерла, судорожно соображая, что делать. Ее рука вцепилась в воротник старенького халата, и она приняла решение: нет, в квартиру не приглашать! Потому что там беспорядок, а на кухне гора грязной посуды, которую она еще с утра намеревалась вымыть, но так и не сделала этого, мечтая о встрече с Гошей.

Домечталась.

— С тобой ведь все в порядке? — произнес он, и Рита хрюпала выдавила из себя:

— Ну да...

И вдруг в ужасе подумала, что снова начнет икать. В горле запершило, грудь сдавило, не хватало еще, чтобы она, нагнется истерику, вызвала у себя новый приступ икоты...

— Ну, а выглядишь ты, если честно, не очень... Понимаю, болеешь... Вот, смотри, я тебе тут конспекты привез...

И Гоша протянул ей стопку тетрадей. Рита взяла их, не удержала и уронила на пол.

Не только идиотка, но и *растяпа*!

Она кинулась поднимать тетрадки, слишком поздно сообразив, что ворот халата распахнулся, открывая ее костлявое декольте, повернулась — и ударилась лоб в лоб с Гошей.

Точно, *шимпанзе*!

— Тебе не больно? — переполошилась она, а молодой человек, протягивая ей тетради, произнес с улыбкой:

— Ну, может, самую малость...

Наверняка следовало пригласить его к себе, а потом, после чая с пряниками (хотя по законам жанра это должен быть непременно *джин с тоником* или на худой конец *коллекционное шампанское*)...

Да, что потом?

Секса у Риты, девятнадцатилетней студентки третьего курса юридического факультета, еще не было. А в том, что четверокурсник Гоша Барковский двадцати одного года от роду был опытным ловеласом, одержавшим множество побед на эротическом фоне, Рита ничуть не сомневалась.

Значит, есть шанс, что ее первым мужчиной станет... Нет, и о чем она только думает!

— Ты... зайдешь? — произнесла Рита, слишком поздно осознав, что не знает, как поступить, если Гоша ответит на это предложение согласием.

Не вести же его в гостиную с гладильной доской, продавленной тахтой и выцветшим ковром на стене. Или на кухню с грудой грязной посуды в мойке и дремлющим древним холодильником без ручки.

Однако объект ее мечтаний, одарив Риту улыбкой, ответил:

— Нет, извини, мне пора. Меня ждут...

Ну, конечно, его ждала подружка Эльвира — хотя вряд ли на белом коне, вернее, в черном джипе около подъезда. Наверняка в одном из крутых вип-клубов в центре города, или на элитной даче, или даже на частном катере, бороздящем просторы реки.

— Ну, ты выздоравливай, пожалуйста... — произнес молодой человек. — Ах, забыл сказать, что мой *старик* читал твою прошлогоднюю курсовую. И хочет предложить тебе в этом году писать курсовую у него, а потом и диплом... Он считает тебя весьма перспективным кадром, и я с ним в этом согласен...

Прижимая к бьющейся под стареньkim халатом груди конспекты, явно писанные не Гошей, подобную ерунду не признававшим, а кем-то для него, Рита почувствовала, что у нее засосало под ложечкой.

Ведь под *стариком* Гоша явно имел в виду своего отца, известного адвоката Барковского, который номинально числился при одной из кафедр доцентом, читал курс по криминалистике на юрфаке и делился со студентами своим богатым профессиональным опытом.

— Ты ведь не откажешься? — произнес молодой человек, и Рита быстро произнесла:

— Да... Нет, я хотела сказать, нет... *То есть да!!!*

Господи, что за чушь она несет? Кажется, в присутствии своего кумира она не может связно мыслить.

А кумир-то ей только что сообщил, что его легендарный отец, для Гоши, конечно же, *старик*, считает ее весьма перспективным кадром!

Старик, который является владельцем самой крутой юридической фирмы в областном центре, который

на ты с мэром, ходит на утиную охоту с губернатором и парится в сауне с местными олигархами...

Собственно, она мечтала стать именно таким адвокатом, как Барковский-старший, только, конечно, без утиной охоты с губернатором и сауны с местными олигархами.

Однако столь же успешной, богатой и влиятельной. И, быть может, даже более крутой!

Почему бы и нет?

— Так да или нет? Что мне старику передать? — произнес Гоша, и Рита выдохнула:

— Конечно же, да! Передай Льву Георгиевичу, что я сочту за честь писать у него курсовую, а потом и дипломную...

Молодой человек, усмехнувшись, одарил ее взглядом своих изумрудных глаз и ответил:

— Ну, это стариц сочтет за честь... Да, глаз у моего предка наметанный, ты кадр более чем перспективный, Рита... Потенциал просто гигантский!

А затем произошло невозможное — Гоша, склонившись, быстро поцеловал ее в щеку, и Рита уловила терпкий аромат его дорогого одеколона.

— Ну, выздоравливай! Ты ведь в понедельник в универ подгребешь? А то стариц уже весь в нетерпении, ему нужны перспективные студентки...

И, не дожидаясь ответа, он одарил Риту умопомрачительной улыбкой и элегантно скатился по лестнице вниз. Рита же, прижимая к груди конспекты и вслушиваясь в эхо его шагов, впрочем, быстро исчезнувшее, стояла на пороге и думала о том, что после *черной* полосы в жизни непременно наступает *белая*.

Банальная истина, которая, однако, оказалась сущей правдой.

Все выходные, несмотря на то, что погода стояла великолепная — прохладная, но солнечная, — Рита торчала в своей крошечной комнате, в которой когда-

то жила вместе с бабушкой, и читала завезенные Гошой Барковским конспекты.

Значит, его, как он выражается, *старик* положил на нее глаз. И сразу понял, будучи прозорливым законником, умеющим тотчас вывернуть любого человека наизнанку, что потенциал у нее просто гигантский.

Рита не просто воспряла духом, она буквально переродилась. Она такую курсовую закатает, а потом *такую* дипломную, что Барковский-старший тотчас предложит ей место у себя в фирме!

А потом будет сенсационный процесс, на котором она разобьет доводы прокурора в пух и прах, о ней напишут в газетах, а также в Интернете.

А потом...

— Ребенок, тебе нужно еще посидеть дома, глан-ды пока воспалены, — авторитетно сказала мама, но Рита взбунтовалась, заявив, что больше ни дня не пребудет дома и в понедельник *обязательно* отправится на учебу.

— Ладно, на следующей неделе ноябрьские праздники, неделя-то короткая, — положил конец их спору отец. — Да и ребенок рвется к знаниям так, что не удержать.

Антон Леонтьев

Удержать ее не смог бы никто. Если еще день назад при мысли о том, что ей придется снова оказаться в стенах юридического факультета, Риту била нервная дрожь, то в понедельник она переступила порог, держа под мышкой конспекты, которые привез ей Гоша Барковский, и ничего и никого не боясь.

— *Ишачка!* — раздался мелодичный голос, и Рита, повернувшись, заметила Эльвиру, облаченную в абсолютно не подобающий для стен учебного заведения наряд из красной скрипящей кожи с такого же цвета мехом.

Ее свита подобострастно захихикала, а кто-то глумливо добавил:

— *Шимпанзе!*